

Илья Ильф,
ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

Двенадцать стульев
Золотой теленок

Содержание

Двойная автобиография	9
-----------------------------	---

ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ

Часть первая СТАРГОРОДСКИЙ ЛЕВ

Глава I. Безенчук и “Нимфы”	15
Глава II. Кончина мадам Петуховой	24
Глава III. “Зерцало грешного”	31
Глава IV. Муза дальних странствий	37
Глава V. Великий комбинатор	41
Глава VI. Брильянтовый дым	49
Глава VII. Следы “Титаника”	54
Глава VIII. Голубой воришка	59
Глава IX. Где ваши локоны?	69
Глава X. Слесарь, попугай и гадалка	76
Глава XI. Алфавит “Зерцало жизни”	87
Глава XII. Знойная женщина — мечта поэта	98
Глава XIII. Дышите глубже: вы взволнованы!	109
Глава XIV. “Союз мечта и орала”	123

Часть вторая В МОСКВЕ

Глава XV. Среди океана стульев	137
Глава XVI. Общежитие имени монаха Бертольда Шварца	139
Глава XVII. Уважайте матрацы, граждане!	146

Глава III. Бензин ваш — идеи наши	384
Глава IV. Обыкновенный чемоданишко	395
Глава V. Подземное царство	405
Глава VI. “Антилопа-Гну”	412
Глава VII. Сладкое бремя славы	424
Глава VIII. Кризис жанра	435
Глава IX. Снова кризис жанра	448

Часть вторая Два комбинатора

Глава X. Телеграмма от братьев Карамазовых	460
Глава XI. Геркулесовцы	464
Глава XII. Гомер, Мильтон и Паниковский	473
Глава XIII. Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции	483
Глава XIV. Первое свидание	499
Глава XV. Рога и копыта	510
Глава XVI. Ярбух фюр психоаналитик	522
Глава XVII. Блудный сын возвращается домой	533
Глава XVIII. На суше и на море	542
Глава XIX. Универсальный штемпель	556
Глава XX. Командор танцует танго	562
Глава XXI. Конец “Вороньей слободки”	572
Глава XXII. Командовать парадом буду я	578
Глава XXIII. Сердце шофера	587
Глава XXIV. Погода благоприятствовала любви	597
Глава XXV. Три дороги	610

Часть третья Частное лицо

Глава XXVI. Пассажир литерного поезда	620
Глава XXVII. “Позвольте войти наемнику капитала”	631
Глава XXVIII. Потный вал вдохновенья	641
Глава XXIX. Гремящий ключ	651
Глава XXX. Александр-Ибн-Иванович	661
Глава XXXI. Багдад	670
Глава XXXII. Врата великих возможностей	676
Глава XXXIII. Индийский гость	683

Глава XXXIV. Дружба с юностью	689
Глава XXXV. Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина — зубной техник	700
Глава XXXVI. Кавалер ордена Золотого Руна	710

Составить автобиографию автора “Двенадцати стульев” довольно затруднительно. Дело в том, что автор родился дважды: в 1897 году и в 1903 году. В первый раз автор родился под видом Ильи Ильфа, а во второй раз — Евгения Петрова.

Оба эти события произошли в городе Одессе.

Таким образом, уже с младенческого возраста автор начал вести двойную жизнь. В то время как одна половина автора барахталась в пеленках, другой уже было шесть лет и она лазила через забор на кладбище, чтобы рвать сирень. Такое двойное существование продолжалось до 1925 года, когда обе половины впервые встретились в Москве.

Илья Ильф родился в семье банковского служащего и в 1913 году окончил техническую школу. С тех пор он последовательно работал в чертежном бюро, на телефонной станции, на авиационном заводе и на фабрике ручных гранат. После этого был статистиком, редактором юмористического журнала “Синдетикон”, в котором писал стихи под женским псевдонимом, бухгалтером и членом Президиума Одесского союза поэтов. После подведения баланса выяснилось, что перевес оказался на литературной, а не бухгалтерской деятельности, и в 1923 году И. Ильф приехал в Москву, где и нашел свою, как видно окончательную, профессию — стал литератором, работал в газетах и юмористических журналах.

Евгений Петров родился в семье преподавателя и в 1920 году окончил классическую гимназию. В том же году сделался корреспондентом Украинского телеграфного агентства. После этого в течение трех лет служил инспектором уголовного розыска. Первым его литературным произведением был протокол осмотра трупа

неизвестного мужчины. В 1923 году Евг. Петров переехал в Москву, где продолжал образование и занялся журналистикой. Работал в газетах и юмористических журналах. Выпустил несколько книжечек юмористических рассказов.

После стольких приключений разрозненным частям удалось наконец встретиться. Прямым следствием этого и явился роман “Двенадцать стульев”, написанный в 1927 году в Москве.

В таких случаях авторов обычно спрашивают, как это они пишут вдвоем. Интересующимся можем указать на пример певцов, которые поют дуэты и чувствуют себя при этом отлично.

После “Двенадцати стульев” нами выпущены в свет — сатирическая повесть “Светлая личность” и две серии гротескных новелл: “Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска” и “1001 день, или Новая Шахерезада”.

Сейчас мы пишем роман под названием “Великий комбинатор” и работаем над повестью “Летучий голландец”. Мы входим в недавно образовавшуюся литературную группу “Клуб чудаков”.

Несмотря на такую согласованность действий, поступки авторов бывают иногда глубоко индивидуальными. Так, например, Илья Ильф женился в 1924, а Евгений Петров в 1929 году.

Илья Ильф, Евг. Петров

Сочинено 25 июля 1929 г. Москва

ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ

*Посвящается
Валентину Петровичу Катаеву*

Часть первая

СТАРГОРОДСКИЙ ЛЕВ

Глава I

БЕЗЕНЧУК И “НИМФЫ”

В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть. А на самом деле в уездном городе N люди рождались, брились и умирали довольно редко. Жизнь города N была тишайшей. Весенние вечера были упоительны, грязь под луною сверкала, как антрацит, и вся молодежь города до такой степени была влюблена в секретаршу месткома коммунальщиков, что это мешало ей собирать членские взносы.

Вопросы любви и смерти не волновали Ипполита Матвеевича Воробьянинова, хотя этими вопросами по роду своей службы он ведал с девяти утра до пяти вечера ежедневно с получасовым перерывом для завтрака.

По утрам, выпив из морозного, с жилкой, стакана свою порцию горячего молока, поданного Клавдией Ивановной, он выходил из полутемного домика на просторную, полную диковинного весеннего света улицу имени товарища Губернского. Это была приятнейшая из улиц, какие встречаются в уездных городах. По левую руку за волнистыми зеленоватыми стеклами серебрились гробы похоронного бюро “Нимфа”. Справа за маленькими, с обвалив-

шейся замазкой окнами угрюмо возлежали дубовые пыльные и скучные гробы гробовых дел мастера Безенчука. Далее “Цирульный мастер Пьер и Константин” обещал своим потребителям “холю ногтей” и “ондулясион на дому”. Еще дальше расположилась гостиница с парикмахерской, а за нею на большом пустыре стоял палевый теленок и нежно лизал поржавевшую, прислоненную к одиноко торчащим воротам вывеску:

ПОГРЕБАЛЬНАЯ КОНТОРА
“МИЛОСТИ ПРОСИМ”

Хотя похоронных дел было множество, но клиентура у них была небогатая. “Милости просим” лопнуло еще за три года до того, как Ипполит Матвеевич осел в городе N, а мастер Безенчук пил горькую и даже однажды пытался заложить в ломбарде свой лучший выставочный гроб.

Люди в городе N умирали редко, и Ипполит Матвеевич знал это лучше кого бы то ни было, потому что служил в загсе, где ведал столом регистрации смертей и браков.

Стол, за которым работал Ипполит Матвеевич, походил на старую надгробную плиту. Левый угол его был уничтожен крысами. Хилые его ножки тряслись под тяжестью пухлых папок табачного цвета с записями, из которых можно было почерпнуть все сведения о родословных жителей города N и о генеалогических древах, произросших на скудной уездной почве.

В пятницу 15 апреля 1927 года Ипполит Матвеевич, как обычно, проснулся в половине восьмого и сразу же просунул нос в старомодное пенсне с золотой дужкой. Очков он не носил. Однажды, решив, что носить пенсне не гигиенично, Ипполит Матвеевич направился к оптику и купил очки без оправы, с позолоченными оглоблями. Очки с первого раза ему понравились, но жена (это было незадолго до ее смерти) нашла, что в очках он — вылитый Милюков, и он отдал очки дворнику. Дворник, хотя и не был близорук, к очкам привык и носил их с удовольствием.

— Бонжур! — пропел Ипполит Матвеевич самому себе, спуская ноги с постели. “Бонжур” указывало на то, что Ипполит Матвеевич проснулся в добром расположении. Сказанное при пробуждении “гут морген” обычно значило, что печень пошаливает, что пятьдесят два года— не шутка и что погода нынче сырая.

Ипполит Матвеевич сунул сухощавые ноги в довоенные штучные брюки, завязал их у щиколоток тесемками и погрузился в короткие мягкие сапоги с узкими квадратными носами. Через пять минут на Ипполите Матвеевиче красовался лунный жилет, усыпанный мелкой серебряной звездой, и переливчатый люстриновый пиджачок. Смахнув со своих седин оставшиеся после умывания росинки, Ипполит Матвеевич зверски пошевелил усами, в нерешительности потрогал рукою шероховатый подбородок, провел щеткой по коротко остриженным алюминиевым волосам и, учтиво улыбаясь, двинулся навстречу входившей в комнату теще — Клавдии Ивановне.

— Эпполе-эт, — прогремела она, — сегодня я видела дурной сон.

Слово “сон” было произнесено с французским прононсом.

Ипполит Матвеевич поглядел на тещу сверху вниз. Его рост доходил до ста восьмидесяти пяти сантиметров, и с такой высоты ему легко и удобно было относиться к теще с некоторым пренебрежением.

Клавдия Ивановна продолжала:

— Я видела покойную Мари с распущенными волосами и в золотом кушаке.

От пушечных звуков голоса Клавдии Ивановны дрожала чутунная лампа с ядром, дробью и пыльными стеклянными цацками.

— Я очень встревожена. Боюсь, не случилось бы чего.

Последние слова были произнесены с такой силой, что каре волос на голове Ипполита Матвеевича колыхнулось в разные стороны. Он сморщил лицо и отдельно сказал: